

Развитие исторической науки

В. А. Спесивцева

К вопросу о гуманистической традиции в «Истории Польши» Яна Длугоша

Польша во второй половине XV – начале XVII в. наладила довольно тесные связи с Италией, ввиду чего получила мощнейший культурный импульс, поспособствовавший расцвету польской ренессансной культуры, литературы, общественной мысли. Однако при всем этом влиянии польская культура сумела сохранить свои, только Польше присущие, традиционные черты. В многонациональном государстве, которым Польша стала в XV–XVI вв. в результате соединения польских, литовских, белорусских и украинских земель, было много различных местных вариантов культуры. Как бы поверх них, объединяя все в один общеевропейский стиль, лег слой ренессансной культуры. Польское общество формировало свое политическое и историческое самосознание и демонстрировало его окружающему миру, тем самым заявляя о своем прочном месте в системе европейских народов.

Идеи гуманизма и ренессанса более всего соответствовали в это время польскому менталитету. Принцип шляхетской демократии выборности короля подчеркивал значение человеческой личности. Человек в польском ренессансе – независимая личность, политически и экономически активная, главной целью которой является самоутверждение. Картины народного быта, городских нравов интересовали польских авторов с точки зрения критической и морализаторской концепции. И благодаря своеобразию своего внутреннего устройства в Польше первое

Спесивцева Вера Александровна, соискатель кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Институт истории и гуманитарно-социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: wierra@yandex.ru

© В. А. Спесивцева, 2008

место в гуманитарной сфере заняла общественно-политическая мысль и историография.

Основным очагом культуры Ренессанса становится королевский двор. Основным же литературным языком того периода остается латынь, язык гуманистов всей Европы. Именно на этом языке и было написано одно из величайших произведений сокровищницы мировой мысли.

«История Польши» (или «*Annales...*») ¹ Яна Длугоша, к сожалению, до сих пор полностью не переведена на русский язык, известны лишь переводы отрывков, касающихся в основном событий Грюнвальдской битвы. Труд Длугоша – один из немногих памятников польской светской прозы (на латинском языке), дошедших до нас с XV в. Нужно сразу оговориться, что в данной работе анализируется только начало 1-й книги – библейский сюжет и библейская генеалогия народов, так как анализ всего труда Длугоша потребует объемов монографии.

Длугош посвятил себя историографической деятельности, поскольку церковь остро нуждалась в создании исторического произведения, способного подчеркнуть ее роль в истории Польши. Работа над хроникой заняла без малого тридцать лет жизни Длугоша. Ее успешному проведению способствовал как незаурядный писательский талант, так и свободный доступ к историческим источникам – церковным и государственным архивам. Наконец, огромным подспорьем в работе Длугоша стал опыт практической деятельности в качестве церковного чиновника и дипломата, что позволило ему установить контакты с выдающимися людьми своего времени как в Польше, так и за рубежом.

Ряд польских исследователей, таких как К. Перадзка, Б. Стрелецка, В. Зарембина, Д. Домбровский, М. Плезиа, Х. Барыч, относит Длугоша к средневековым хронистам, хотя и отмечает проявление у него гуманистических тенденций ². А. Семкович, анализируя

---

¹ *Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. Warszawa, 1961. T. 1.*

² *Dąbrowski D. Wykorzystanie kronik w polskich badaniach genealogii rosyjskich książąt do upadku Rzeczy Pospolitej // Poznański Uniwersytet. Seria «Historia». 2003. S. 88–98.*

труд Длугоша начиная от сказочных историй Леха и Чеха, вообще не принимает во внимание библейский фрагмент, опускает также *Chogografie*¹. Следует особо отметить, что работа Семковича является одной из наиболее значимых и не потеряла своей актуальности до сих пор. В ней автор шаг за шагом указывает источники каждого известия Длугоша. Работа делится на три неравные по объему части: в первой дается общий обзор деятельности Длугоша, во второй перечисляются источники, которыми пользовался Длугош, и, наконец, в третьей, самой обширной содержится подробнейший разбор всей «Истории» в отношении источников.

Как отмечалось выше, «История Польши» Длугоша не переводилась на русский язык полностью. Поэтому будет целесообразно сообщить об этом труде элементарные сведения. Однако, следует отметить, что этим вопросом в отечественной историографии занимался ряд отечественных исследователей. В частности, он нашел отражение в трудах С. Пташицкого², В. Б. Оболевича³ и др. Фрагменты первой книги хроники Длугоша также были опубликованы в русском переводе Н. А. Щавелевой⁴, сопровождаются обстоятельным комментарием, который, несомненно, поможет многим исследователям в разработке данной проблемы и даст необходимый теоретический базис.

Пташицкий – первый российский исследователь труда Длугоша, представляет историографию XIX в. Он довольно подробно останавливается на достоинствах и недостатках «Истории Польши», уделяя большое внимание библиографии вопроса. Также он отмечает, что такие историки, как

---

¹ *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów Polski Jana Długosza do r. 1384. Kraków, 1888. S. 64–66.

² *Пташицкий С.* Длугош, польский историк XV столетия. СПб., 1888.

³ *Оболевич В. Б.* Идеино-художественная основа «Истории Польши» Яна Длугоша (1415–1482) // Славянская филология: Сб. ст. Л., 1972. Вып. 2.

⁴ *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 213–227.

Кромер и Меховита, были знакомы с «Историей Польши» Я. Длугоша, и «... без стеснения её списывали».

В. Б. Оболевич является одним из современных исследователей. В его работах рассматриваются вопросы стилистики труда Длугоша, литературной стороны произведения. В них не ставится под сомнение ценность «Истории Польши», рассматриваются особенности по возможности интересного изображения минувшей истории и отмечается, что у Длугоша имеются свои прообразы в технике повествования историков античности, особенно Ливий. Сюда также входят пространственные речи, которые у Длугоша изрекают действующие лица, что не основано, если речь идёт о временах древности, ни на одной действительной традиции. Все это подводит нас к стоящему до сих пор особняком вопросу о влиянии литературы древней, а точнее говоря, античной на Длугоша. Ведь он жил и писал в то время, когда в Италии уже процветал гуманизм, провозгласивший античную литературу образцом для всякой литературы вообще, когда лозунгом времени было очищение латыни от средневековых наслоений и возвращение к классическому языку великих античных писателей. За восхищением литературой шло восхищение древними римлянами вообще, их способом существования и идеалами, противопоставление их господствующим в средних веках умеренным христианским идеалам. Восхищение это простиралось в принципе и на греческую культуру, которая была матерью римской, но на практике знание ее памятников было поверхностным, чаще всего с латинских переводов, потому что знакомство с греческим языком, а также с оригинальной греческой литературой, возрождалось в Западной Европе на протяжении всего XV в. Предметом же восхищения Длугоша были Цицерон и Ливий. Впрочем, не только они, но и такие историки, как Салюстий или Цезарь, которых он неоднократно и в разных комбинациях цитирует.

Следовательно, абсолютно ясно, что Длугош совершенно сознательно и целеустремлённо копирует свою латынь с латыни классиков языческого Рима. В связи с этим его запас слов богаче, чем у прежних летописцев, и кажется, что в нём содержится значительное количество слов,

которые прежде – хотя бы в польской латыни – вышли из употребления и которые воскресил лишь пробуждающийся гуманизм. Именно на черпании как из одного, так и из второго источника основывается поразительное богатство языка Длугоша. Также подвергается критике синтаксис, который полон средневековых конструкций, что является следствием неумелого подражания Ливию. Однако отмечается также, что несомненное сходство с Ливием скорее всего не было преднамеренным, а вытекало из тех аналогичных ситуаций, в которых создавались эти произведения, – оба писали в период расцвета своих держав, оба старались проследить тот путь, которым к этому расцвету пришли. Они оба были любителями национального прошлого, а на настоящее, несмотря на его внешний блеск, смотрели критически. Оба были патриотами, оба были глубоко религиозны. Эти общие свойства делали Тита Ливия идеальным образцом для подражания и, если отбросить несовершенство в тонкостях стилистики, дали весьма удачные плоды.

Возвращаясь к начальным сведениям о труде краковского каноника, можно сказать следующее: «История Польши» Длугоша впервые была издана Иоганном Гербургом в Добромиле в 1615 г. Вышел только первый том, содержащий первые 6 книг, и тотчас же издание было запрещено указом короля Сигизмунда III, потому что далеко не все, о чем повествует Длугош в своем труде о представителях крупных шляхетских родов, пришлось по вкусу их потомкам.

Следующее издание было выпущено Генрихом Гуйссенем в Лейпциге в 1711–1712 гг. По нему было подготовлено издание, вышедшее в Варшаве в 1761–1772 гг.

Полное собрание всех сочинений Длугоша увидело свет только через 400 лет после его смерти. Его опубликовал известный меценат Александр Пшездзецкий. Первые тома вышли в 1863–1864 гг. Позднее издание было повторено. Первый том нового полного собрания вышел в 1887 г.

«Историю Польши», как и все другие свои труды, Длугош написал на латинском языке. Еще в XVIII в. И. Ковнацкий перевел на польский язык четвертую книгу «Истории Польши», в 40-х гг. девятнадцатого столетия в Гнезно вышли в польском переводе три

первые книги. Первый перевод «Истории Польши» на польский язык был сделан К. Мехежинским (по лейпцигскому изданию) и опубликован в полном собрании сочинений Длугоша.

В 1961 г. в Польше увидело свет новое научно-критическое издание «Истории Польши» Длугоша с одновременным переводом на польский язык и обширными комментариями¹. На русский язык «История Польши» Длугоша, как уже отмечалось, полностью до сих пор не переводилась, если не считать отрывков в хрестоматиях. Польский перевод, который использовался автором, выполнен по последнему изданию А. Пшездзецкого.

До наших дней в Кракове, в библиотеке Чарторыйских, сохранился рукописный оригинал «Истории Польши», правда, неполный: текст кончается 1406 г. В этой же библиотеке находится список «Истории Польши» за 1409–1444 гг., некогда собственность Станислава Костки, воеводы куявского. В Кракове же, в библиотеке Ягеллонского университета, хранятся еще два списка: один – конца XVI в., принадлежавший в свое время епископу вроцлавскому, Иерониму Розражевскому, другой – первой половины XVII в., охватывающий период 1435–1480 гг., подаренный библиотеке Александром Пшездзецким.

Самым лучшим списком считается так называемый Свентокшизский, по названию монастыря, где он одно время находился. Одновременно он самый древний – от конца XV – начала XVI в., и самый полный (находится в архиве Потоцких в Вилянуве, под Варшавой). Вторая полная копия (список Лицецкого, по имени первого владельца), относящаяся к началу XVII в., принадлежала библиотеке Гнезненского капитула.

«История Польши» Длугоша выгодно отличается от исторических трудов его предшественников Галла, Кадлубка и др. Это – первый в Польше научный исторический труд, осно-

---

¹ *Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego.* Warszawa, 1961. Т. 1.

ванный на изучении конкретного материала источников. Для написания ее Длугош разыскал и исследовал громадное количество документов – как польских, так и иноземных¹. Многие из них он поместил целиком в своей «Истории» и этим оказал неоценимую услугу позднейшим историкам, потому что некоторые документы до наших дней не сохранились. Между прочим, Длугош привлек и русские летописи, для чего изучил русский язык². На гигантское количество источников у Длугоша обращает внимание также и Плезиа, отмечая, что в отличие от средневековых хронистов, использующих один, в редких случаях два-три источника, каноник краковский использовал и учитывал предельное их (источников) число. Плезиа считает, что тенденция эта – новая, полностью чуждая всем его польским предшественникам, исключительная даже в масштабе общеевропейском³.

Несомненно, для более четкого восприятия автору потребовался перевод отрывка с польского языка. Перевод осуществлен автором работы с издания Александра Пшездзецкого 1863–1864 гг. Автор, пользуясь случаем, благодарит за помощь канд. ист. наук, доцента кафедры Всеобщей истории, историографии и источниковедения НГПУ Д. В. Карнаухова за помощь в переводе, ценнейшие советы и предоставленные материалы, а также Морари Зофью-Барбару, сотрудника Министерства образования Республики Польша. В переведенном отрывке мы пытались, по возможности, сохранить стиль изложения Яна Длугоша.

Труд Длугоша не представляет собой нового, неизвестного до сих пор в польской литературе жанра прозаических произведений. Хроники существовали и до Длугоша. Но, если, как

---

¹ *Peradzka K.* Genealogia Biblijna i rodowód słowian w pierwszej księdze «Annale» Jana Długosza // *Nasza Przyszłość*. 1958. № 8. S. 88–92.

² *Dąbrowski D.* Wykorzystanie kronik w polskich badaniach genealogii rosyjskich książąt do upadku Rzeczy Pospolitej // *Poznańskij Uniwersytet. Seria «Historia»*. 2003. S. 88–98.

³ *Plezia M.* Jan Długosz // *Pisarze staropolscy*. Warszawa, 1991. T. 1. S. 132–173.

мы говорили, произведение Длугоша резко отличается от хроник Галла, Кадлубка и других как труд исторический, то новым по сравнению с ними является оно и с литературной стороны.

В средние века, даже в самом их конце, контраст наблюдается не между культурной элитой и некультурной массой, а, в большей степени, между незначительной массой клириков и мирян, интересующихся историей и поэтому не сумевших приобрести довольно точные и надежные знания о прошлом, и толпой всех тех, которые, будучи даже культурными людьми, не интересуются историей или, интересуясь ею, не умеют удовлетворить свой интерес. Исторические исследования и изыскания были успешными у весьма немногих специалистов ¹.

На этапе конца XV – первой четверти XVI в. гуманистическое движение охватило большинство стран Западной и Центральной Европы, обрело невиданную силу, способствовало содружеству гуманистов, созданию «республики ученых», главой которой называли Эразма Роттердамского. Объектом изучения гуманисты сделали все отрасли знания. Сформировалось гуманистическое учение о достоинстве человека, заложенное трудами мыслителей раннего Возрождения. В последние десятилетия XV – первые десятилетия XVI в. идеи гуманистического движения постепенно утверждаются в Польше ².

Раннеренессансное историописание, освободившееся от доминирующего в средневековье провиденциализма (взгляда, признающего Провидение божье не только в качестве последней причины, вызывающей события, или, как фактор непосредственно и немедленно вмешивающийся в их течение, например знамения, назначающие распутному образу жизни кару в образе проигранной войны или лишения трона), сохранило, однако, довольно много черт этого творчества. Наиважнейшей из них – с точки

---

¹ *Гене Б.* История и историческая культура Средневекового Запада. М., 2002. С. 343–372.

² *Липатов А. В.* Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье, Возрождение, Барокко. М., 1977. С. 197

зрения научного прогресса – было малокритичное отношение к переводам источников.

Вне этих ограничений историописание Возрождения сделало важный шаг вперед, по отношению к теологическому изложению истории, которым занималось средневековое историописание. Этого не следует понимать как отрицание средневекового историописания и понимание его как продукта умственной ограниченности. Средневековое историописание выдержало или развило в своих конкретных произведениях много новых историографических качеств: наряду с рочниковыми историческими описаниями народа и стран возникали биографии панов, а также лиц, пользующихся вниманием, описание военных кампаний, купеческих посольств и экспедиций, хроники света, историко-политические памфлеты¹.

И произведение Длугоша в полной мере отражает переломный характер литературы второй половины XV в.²

Но в то же время труд Длугоша, обнаруживает уже характерные для литературы второй половины XV в. новые веяния, воздействие и проявление характерных черт гуманизма.

Во-первых, оно проявилось, как уже отмечалось, в широком использовании исторических трудов классических и средневековых авторов. Длугош был очень начитан в них, он отлично знает не только Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Боккаччо, но и многих других, известных в его время историков. Подобно Цезарю, писавшему о нравах и обычаях галлов и германцев, Длугош вводит в свою «Историю Польши» экскурсы в этнографию и мифическую историю народов³. Огромный источниковый материал, используемый Длугошем, при-

---

¹ *Lunatow A. B.* Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье, Возрождение, Барокко. М., 1977. С. 74.

² Там же. С. 184

³ *Peradzka K.* Genealogia Biblijna i rodowód słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // *Nasza Przeszłość*. 1958. № 8. S. 88–92.

веден наиболее полно в статьях польской исследовательницы К. Перадзки ¹:

1. Хроника Великопольская
2. Genesis (Книга Бытия)
3. Исидор Севильский, «Этимологии»
4. Сочинения св. Иеронима
5. Книга Юбилеев (псевдоэпиграф к *Genesis*, относящийся, по-видимому, к I в. до Р. X)
6. Иосиф Флавий, «Иудейские Древности»
7. Нений, «История Британии»
8. Хроника Гугона, аббата из Флавиigny
9. Чешские хроники Пулкавы
10. Плиний
11. Сочинения Петра Минарета

И это далеко не весь список источников, которые Длугош использовал, чтобы обосновать происхождение славянских народов от Иафета. Длугош был сторонником сарматской теории и очень убедительно ее аргументировал.

Во-вторых, как уже отмечалось, произведение Длугоша было написано на латинском языке. Не на вульгарном языке, а на классической латыни, образцом которой послужили для хрониста труды Тита Ливия, как отмечает Перадзка. Это подчеркивает и С. Пташицкий, отмечая, что перевод труда Длугоша, по его мнению, был «...роскошью, совсем излишнею для ученых исследований. Он может быть только в редких сомнительных случаях служит пособием к уразумению текста, так как составлен отличным знатоком средневековой и классической латыни» ².

Да, многие исследователи критикуют стиль и язык Длугоша, называя его «громоздким и неповоротливым», обвиняют в слепом следовании стилю Ливия, но они же отмечают и критику источников у Длугоша ³. Так, на-

---

¹ *Peradzka K.* Genealogia Biblijna i rodowód słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // *Nasza Przeszłość*. 1958. № 8. S. 88–92.

² *Пташицкий С.* Длугош, польский историк XV столетия. СПб., 1888.

³ *Plezia M.* Jan Długosz // *Pisarze staropolscy*. Warszawa, 1991. T. 1. S. 132–173.

пример, Домбровски пишет, что Я. Длугош «...всё-таки не передавал материалы, не критикуя (без критики), многие вещи, особенно сказочного характера, умел отбросить, несмотря на то, что современные ему историки имели склонность к баснословными, сказочным начальными сведениям о государствах; иное дело, что он чрезмерно уклоняется от хода повествования, обходит (эти моменты). Борясь со многими трудностями и неоднократно заблуждаясь, сделал, однако, своим методом принципиально новый шаг в нашем историописании и его осмыслении и этим решительно толкнул польскую историческую науку на новые пути. Своим методом превзошёл современных ему историков-гуманистов, заботившихся больше о форме, чем о содержании, и вырисовывается на их фоне как первостепенный (первоклассный) учёный»¹.

Возрождение ознаменовалось появлением национальных историй. В это время в Европе появляются первые историки национальных государств². Для того чтобы «хроника» превратилась в «историю», требовалось не только сообщить читателю, «что и где произошло», но и объяснить ему, «почему и как это произошло», а для этого универсальная ссылка на божественное провидение становилась непригодной. Внимание новой гуманистической историографии сосредоточилось на судьбе национального государства, его подъеме и падении, внешних и внутренних войнах, деятельности его правителей. В истории историографии исследуемой эпохи «Истории Польши» Длугоша выпадает центральное место. Она является достижением всей средневековой историографии, которую превосходит по уровню соединённого материала и специальным методам его разработки. Как отмечает Плезиа, Длугошу впервые удалось установить в ней, хоть не без ошибок, точную хронологию событий, (что явилось огромным шагом вперёд), формируя тем самым необходимое основание к их прагматическому

---

¹ *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie. Wrocław, 1964. S. 235.

² *Барг М. А.* Эпохи и идеи: становление историзма М., 1987. С. 243–290.

связыванию и интерпретации¹. Впервые было собрано такое обилие фактов, представленных в пределах одного исторического труда, в единой концепции. Все это красноречиво свидетельствует об исключительной ценности его (Длугоша) труда.

Труд Длугоша и есть такая национальная история. И даже в пересказе библейского сюжета и библейской генеалогии народов Длугош выступает не столько церковным деятелем весьма высокого ранга, сколько серьезным ученым-историографом. Гораздо большее внимание, чем библейскому сюжету, Длугош уделяет вопросам происхождения народов и географическим изысканиям. Этот отрывок почти вдвое больше, чем посвященный непосредственно Книге Бытия.

Длугош решил в своем предисловии к масштабной истории Польши дать библейскую родословную и родословную поляков обширней и подробней, чем та, что можно было найти в средневековых польских хрониках. Исходя из того, что в эпоху средневековья все европейские книжники, описывая происхождение тех или иных народов, как правило, начинали с библейского предания о разделении человечества на три ветви по трем прародителям – сыновьям Ноя: на ветвь Сима, ветвь Хама и ветвь Иафета, происхождение славянских народов возводилось к братьям-эпонимам Чеху и Леху, к которым иногда добавлялся Рус. Эти ключевые этногенетические модели позволяли дать приемлемое объяснение этническому многообразию Европы и определить место каждого народа в мировой истории. С XV в. началось критическое переосмысление наследия эпохи средневековья. Толчком к нему послужило изучение европейскими учеными-гуманистами произведений античных авторов (главным образом трудов Геродота и Птолемея), в том числе этногеографических описаний современных этим авторам народов (что прекрасно прослеживается на примере Длугоша), а также публикация картографических материалов, охватывавших территории, ко-

---

¹ *Plezia M. Jan Długosz // Pisarze staropolscy. Warszawa, 1991. T. 1. S. 132–173.*

торые в последствии были заселены восточными славянами. В результате ученые пришли к выводу о возможной связи скифов, сарматов и роксоланов античности с современными насельниками Восточной Европы. Так родилась «сарматская теория», приверженцем которой был и Длугош, который довольно логично обосновал ее в этом отрывке ¹.

Библейская родословная и родословная славян не могла быть заимствована Длугошем из какого-то не известного ныне источника, так как мы видим объединение многих источников, так подобранных, чтобы в последней инстанции обоснованно подвести к происхождению славян и вандалов-поляков ². Во фрагменте о «таблице народов» мы видим Длугоша географом, интересующимся положением, пространствами и границами античных стран и древних славянских стран, течениями рек, морями и т. п. Другое дело, что эта Длугошева «историческая география», в частях, не касающихся славянских стран, в главной мере основана на энциклопедических знаниях «Этимологии» Исидора Севильского, а также на данных, взятых, за небольшим исключением, из средневековых хроник ³. В других отрывках книги Длугош руководствуется географическими знаниями, которые нашёл в трудах Птолемея и Солинуса. Интересной проблемой для разработки на очень широком фоне сравнительной историографии, относящейся ко временам Длугоша, был бы эскиз географических названий (главным образом стран, рек и гор), которые историограф заимствовал у античных авторов. Благоговение перед их именами было традиционным для средневекового летописания. Но зато гуманизм обращался к образцам классической латыни – и также перенял значительный объем географических названий, постоянно их употребляя, даже

---

¹ Карнаухов Д. В. Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI века // Вестник Евразии. 2000. № 3.

² Peradzka K. Genealogia Biblijna i rodowód słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // Nasza Przeszłość. 1958. № 8. S. 88–92.

³ Там же.

при освещении современных событий. И все эти примеры мы видим в первой книге «Истории Польши».

Итак, резюмируем:

1) произведение Длугоша является национальной историей;

2) латынь Длугоша ближе к античным, классическим образцам, нежели к вульгарному средневековому языку;

3) Длугош использовал огромное количество источников античных авторов;

4) в отрывке о библейских событиях Длугош не апеллирует к понятиям «воли божьей», «провидения», а четко обосновывает национальную гипотезу и дает обширный этногеографический экскурс.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, невзирая на многие спорные моменты, Ян Длугош был одним из предтеч гуманистической исторической науки в польской ренессансной историографии.